

УДК 940.3

Бакшт Дмитрий Алексеевич,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
baksht@mail.ru

Жандармские преследования по этно-конфессиональному признаку в Восточной Сибири (1914–1917 гг.)¹

Аннотация: В статье рассматриваются основные сюжеты репрессий «нелояльных групп» населения органами жандармерии на территории Иркутского генерал-губернаторства. Показано значительное влияние войны и армии на функционирование системы тылового гражданского управления.

В работе показано отличия в отношении жандармерии к различным этно-конфессиональным группам. Из-за мизерного количества переселенцев из этнических немцев в общей доли населения Иркутского генерал-губернаторства, не зафиксировано ни одного возбужденного дела о «шпионаже» среди них. Однако выявлены преследования фирм со значительным германским капиталом и немецким персоналом: дела против «Зингер» и «Сибирского торгового банка». Установлено, что репрессивные действия в отношении них были инициированы из центральных органов фронтового управления.

В Восточной Сибири не зафиксировано официальных преследований мусульманских организаций или объединений, кроме инспирированного контрразведкой дела об иркутских панисламистах среди татарского населения (1916 г.). Однако наиболее продолжительным было расследование о красноярских и забайкальских баптистах (1915–1917 гг.). В работе показана направляющая роль Департамента полиции МВД в данных делах, возбужденных одновременно. Изучены различные подходы в осуществлении репрессивных требований: формализм и стремление передачи дела прокуратуре в Красноярске и попытка добиться жестких приговоров в Чите.

Процесс преследования еврейского населения тесно переплетался с официальным и бытовым антисемитизмом. Главным образом, данной группе приписывалась «революционность» и «нелояльность». Сложность вопроса об отношении к сионизму проявилось в деле о красноярской организации (1914–1916 гг.), закончившемся полным оправданием. Показана слабая информированность органов политической полиции в «китайском вопросе».

Исследованы факторы, которые снижали уровень государственного насилия над этно-конфессиональным меньшинствами в регионе:

---

¹ Работа выполнена при поддержке Германского исторического института в Москве и Фонда М. Прохорова

институциональные противостояния органов управления, субъективные позиции генерал-губернатора и офицеров жандармерии.

Ключевые слова: жандармерия, Первая мировая война, Восточная Сибирь, национализм, полиция.

Первая мировая война интересна не только анализом боевых операций, но и изучением состояния тыла. Распространенная точка зрения о том, что данный конфликт стал отправной точкой «короткого» XX века, во многом верна. После 1918 г. во многих странах взаимоотношения государства и общества резко изменились. Однако эти модификации произошли на основе и старых социальных институтов, и новых, выработанных управленческими практиками мировой войны. Кроме того, распад старых династических и кризис колониальных империй вызвал новую волну национальных и националистических движений. Государственные образования на руинах Российской империи не стали исключением. Поэтому предметом исследования мы избрали действия императорских полицейских органов в отношении этно-конфессиональных групп Восточной Сибири.

Замечено, что империя как вариант «плюралистичных социальных сетей» (М. Манн) старалась избегать лишнего кровопролития (цит. по: [1, с. 42]). Мировая война полностью изменила не только риторику, но и акцент внимания государственных органов: этническое происхождение стало одним из маркеров политической лояльности. Интересно взглянуть на эту проблему на примере Восточной Сибири.

Не смотря на этно-конфессиональную пестроту региона, местные власти не нуждались в особых санкциях относительно отдельных категорий населения. Все внимание шло на борьбу с политическим экстремизмом и бандитизмом. Коренные народы не вызывали беспокойств полиции, среди «политических» подследственных «инородцы» практически не встречаются. Более того, если на других окраинах империи в штате органов департамента полиции состояли переводчики, то в Сибири каких бы то ни было предписаний на этот счет не фиксируется. В 1911–1913 гг. полиция Иркутского генерал-губернаторства столкнулась с массовой и достаточно мощной «этнической преступностью» (1913–1914): большая часть банд состояла из выходцев с Кавказа. Потребовались большие усилия ликвидации преступных сообществ, которым, фактически, руководило районное охранное отделение [2].

Немецкие крестьянские переселения в регион были незначительны: например, в Иркутской губернии на 1916 г. им принадлежало чуть более 4 тыс. дес. земли [3, с. 61]. Жандармские мероприятия во время войны ограничивались их регистрацией и реагированием на доносы местных жителей. Военнопленные их числа регулярных войск Четвертного союза попадали в поле зрения жандармерии лишь при попытках заключенных к бегству из концлагерей. В остальном, они находились под юрисдикцией начальников военных гарнизонов. Секретная агентура в этой среде была минимальной и появлялась эпизодически.

Чрезвычайные обстоятельства требовали упрощения судебной-полицейских процедур. С помощью «Положения об охране» (объявленного по всей тыловой части империи) и военного положения (на Транссибирской магистрали), правовая среда для репрессий была наилучшей за всю отечественную историю. Дела, которые решались в административном порядке или через военную юрисдикцию, проходили через утверждение иркутского генерал-губернатора, прежде чем поступали на окончательное решение Особого совещания МВД или военно-окружного суда (приговоры которого в Восточной Сибири подписывал тот же генерал-губернатор).

Л.М. Князев, бывший на этом посту до 1916 г., регулярно выступал против жандармерии и решения «политических дел» крутыми мерами. Все утвержденные им приговоры военных судов округа (1914–1915) были вынесены по делам уголовного характера и только тяжелой степени: групповые убийства, ограбления¹. Эта ситуация могла быть скорректирована в 1916 г. назначением генерал-губернатором С.П. Белецкого (директор Департамента полиции при министре внутренних дел А.Н. Хвостове) после неудачной интриги против Г.Е. Распутина, фаворита императорской семьи. Однако это решение было отменено через месяц, после назначения Белецкого. Последний генерал-губернатор А.И. Пильц (1916–1917) руководил регионом всего несколько месяцев и не успел проявить себя в данной области. Таким образом, масштаб репрессивной политики во многом зависел от субъективного фактора, – личности чиновника, поставленного во главе генерал-губернаторства.

В годы войны важнейшим субъектом политики в России стала армия. Практика Петербургского военного округа проверки благонадежности через губернаторов вольноопределяющихся была распространена на империю в феврале 1914 г.². Одновременно с этим, военная прокуратура откладывала разбирательства над солдатами по мелким происшествиям (даже по заочному оскорблению императора) до окончания войны. Полиция не могла ничего с этим поделать, ведь общественный настрой первых месяцев войны не располагал к какой-либо фильтрации «защитников отечества».

Секретная агентура в армии была ликвидирована по распоряжению командира жандармов В.Ф. Джунковского за год до начала войны [4, с. 293–294]. Решение этой проблемы не было решено из-за принципиальной позиции арамейского командования. Ко всему прочему, тыловые гарнизоны пополнились бывшими ссыльными (с мобилизации 1916 г.). МВД потеряло контроль над «неблагонадежными» массами, оказавшимися в вооруженных силах под некомпетентным надзором офицеров, чаще всего неавторитетных выпускников школы прапорщиков.

Жандармерию привлекали к делам, спровоцированным из центра. Дело «Сибирского торгового банка» было инициировано заявлениями видных

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3, ч. 17. Л. 41–47

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 180. Л. 4–4об.

деятелей Красноярска после публикации речи депутата Хвостова, широко тиражированной в печати (1915, сентябрь)¹. Дело о компании «Singer» в Сибири – составная часть централизованной крупномасштабной операции масштаба страны [5, с. 96]. В Енисейской губернии оно формально началось с доноса в Ачинске (июнь, 1915). В Западной Сибири, сходным заявлениям не давал хода прокурор Омской судебной палаты [6, с. 151]². Поэтому аресты в Томской губернии начались только 2 августа 1915 г. с санкции военно-окружного командования. К этому расследованию и подключилась жандармерия Енисейской губернии. В итоге, доказательств шпионажа служащих компании представлено не было, и деятельность «Singer» была восстановлена под государственным контролем в конце 1915 г. [5, с. 98]³.

Армия в годы войны стала центром антисемитизма: фронтовое командование поощряло погромы и пропаганду против евреев, издавала секретные распоряжения против них. Измена в тылу удобно объясняла любые неудачи генералитета на театре боевых действий (подробнее об этом: [7, с. 306]). Назначенный во главе МВД А.Н. Хвостов был одним из сторонников изъятия капитала у евреев и немцев [5, с. 82]. Одной из функций императорской жандармерии была выдача справок о политической благонадежности. Однако потеря некоторой части канцелярского архива в регионах и отсутствие централизованных реестров в МВД не позволяют нам судить о каких-либо изменениях в этой области.

В отчетности о проступках нижних чинов штабы округов (в том числе и иркутский) отдельно выделяли еврейских военнослужащих, хотя в Сибири данная категория не занимало высоких позиций в этом негативном рейтинге.

Позиция военного командования в отношении национально-религиозных организаций евреев была четкой: «не должна допускаться деятельность «еврейского национального фонда» и всякие организации сионистов». МВД запрещало это движение, ссылаясь на указ Сената от 1907 г. [8, с. 21]⁴. Дело группы красноярских сионистов (1914–1916) закончилось оправданием обвиняемых. При обнаружении группы начальник жандармского управления затруднялся квалифицировать преступление и обращался за указаниями в МВД и Иркутск по аналогичным расследованиям [9, с. 205].

Бытовой антисемитизм не был развит в довоенной Сибири. Однако, возвращающиеся солдаты, армейская пропаганда и отдельные происшествия влияли на усиление юдофобии. Часто приводится пример, когда в Красноярске бытовой спор на рынке вылился в погром (7 мая 1916 г.): 200 чел. при поддержке солдат громили мясные ряды, смяв незначительное сопротивление полиции (подробнее об этом происшествии см.: [10, с. 52–53]). Однако значительно преобладающее количество пострадавших торговцев-

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1399. Л. 13–70

² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 250. Л. 26–27

³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 250. Л. 84; Д. 69 а. Л. 122–123

⁴ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21. Л. 114

христиан, и зеркальное сходство погрома с аналогичными инцидентами в Сибири указывает все же на его экономический характер.

Наступление на свободу вероисповедания подданных с началом боевых действий усилилось. Штаб Корпуса жандармов предписывал устанавливать наблюдение за протестантскими пасторами (октябрь, 1914 г.)¹. В Одессе военные впервые закрыли 4 баптистские, евангелистическую и адвентистскую общины по подозрению в нелояльности (декабрь, 1914 г.) [8, с. 21]. С мая 1915 г. МВД предписывало железнодорожным жандармам регистрировать рабочих баптистов и адвентистов, занятых трудом на линии дороги и проживающих в зоне отчуждения².

Поводом преследований протестантов в Иркутском генерал-губернаторстве послужила провокационная статья в прогрессистской газете «Утро России» (2 сентября 1915 г.). Статья была оформлена ответом министру МВД, возбудившему в Думе вопрос о лояльности протестантов. От имени забайкальских баптистов высказывались пожелания быстрой победы Германии. Интересно, что административная переписка была возбуждена за день до выхода из печати издания. Учитывая то, какими ресурсами обладало императорское правительство в сфере надзора за периодикой, становится очевидным, что статью не только написали лица, близкие к имперской бюрократии. Газете дали выйти в срок, когда органы жандармерии получили предписание начать аресты. Нелепость истории с сибирскими баптистами добавляет и то, что обвиняемые по делу «исключительного государственного значения» – это 5 рабочих забайкальской станции Слюдянка, имевших «домашнее образование». Подозрительными являются и свидетельские показания: были опрошены одни и те же лица по каждому из пяти обвиняемых, а тексты протоколов зеркально похожи друг на друга³.

В Красноярске основанием для возбуждения дела стал анонимный донос, который, возможно, также был написан по заказу. Документально отмеченная дата возбуждения переписки та же, что и в забайкальском деле – 1 сентября 1915 г. Однако в отличие от своего коллеги, начальник красноярской жандармерии М.С. Байков поспешил избавиться от этого дела. Он нашел признаки нарушений по статьям с обвинением в «богохулении» (наказывался арестом не более полугода). А поскольку данный круг вопросов формально выходил за пределы жандармской юрисдикции, то дело было отдано в прокуратуру (октябрь, 1915)⁴.

Забайкальское дело о баптистах продолжалось больше года, и было прекращено иркутским генерал-губернатором. Он посчитал улики стороны обвинения неубедительными, а использование чрезвычайного законодательства – неадекватным. Дело не попало в Особое совещание МВД,

---

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 25. Л. 16об.

² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21. Л. 72

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3383. Л. 7–15 об., 17

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 2964. Л. 3–4; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 833. Л. 70об.–71

не помогло даже давление местного православного духовенства. Трое обвиняемых были оправданы, переписку о других передали командующему военным округом, найдя повод к продолжению расследования, но уже не на основании газетной статьи (октябрь, 1916)¹.

Панисламизм был известен сибирской жандармерии в теории, главным образом, через информирующие циркуляры и обзоры Особого отдела Департамента полиции МВД. Однако реальная «борьба с панисламизмом» была эпизодичной, если не мизерной. Поводом единственному прецеденту стала телеграмма начальника одесской жандармерии в январе 1916 г. о якобы существующей в Иркутске организации. Были арестованы 17 человек (12 из которых – местные татары), большей частью мелкие торговцы [11, с. 168]. Эта «ликвидация» – единственное дело против мусульманских организаций на всей территории Восточной Сибири.

Китайцев тоже подозревали в симпатиях к Германии. МВД предписывало установить за ними «тщательное наблюдение» (июль, 1914), но была попытка выделить пророссийские категории как военными, так и органами жандармерии. Начальник Амурского жандармского железнодорожного управления отмечал, что прогерманскими являются «реакционеры» северных провинций. В докладе военной окружной контрразведки местным властям, указывалось, что представители «Китайского общества» в Чите, хотя и левых политических взглядов, все же менее враждебны России, чем маньчжуры (в большинстве – выходцы юга Китая)². Такой гибкий подход, на наш взгляд, было следствием значительного привлечения китайцев к труду на оборону на российских предприятиях.

В целом, период характеризуется усилением роли армии, подчинением ее интересам органов МВД при потере правительственного контроля над ней. Шпиономания и национализм были нацеленной политикой сверху ни без экономических причин. Единственным препятствием чрезмерного проявления репрессивных тенденций был генерал-губернатор и отчасти органы юстиции либо вследствие личностных характеристик отдельных агентов власти, либо – ведомственной конфронтации. Все это расшатывало выстроенную систему даже на отдаленных окраинах, одновременно проявляя те негативные тенденции, которые будут усилены дальнейшими социальными катаклизмами XX в.

Литература

1. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

2. Сысоев А.А. Криминальные сообщества Восточной Сибири в начале XX столетия: особенности профессионализации и становления организованных структур // Сибирская заимка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/sysoev-crime/>

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3383. Л. 31об.

² РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 196. Л. 77об., Л. 94–97 об.

3. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) Томск, 2009.
4. Агентурная работа политической полиции Российской империи / сост. Е.И. Щербакова. М.–СПб., 2006.
5. Лор Э. Русский национализм и Российская империя. М., 2012.
6. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
7. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
8. Жаров С.Н. Последняя попытка реформы политического розыска в Российской империи. Монография. Челябинск, 2007.
9. Кальмина Л.В. Сионизм в Сибири в 1914–1920 годах: эволюция идеи // Мировой кризис и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005.
10. Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г. // Еврейские общины в Сибири и Дальнего Востока. Вып. 6. Красноярск, 2001.
11. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.